

United States Holocaust Memorial Museum

Interview with Stanislav Ishenko

RG-50.575*0011

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Вопрос: В первую очередь, я прошу Вас назвать себя, дату и место рождения.

Ответ: Станислав Ищенко, 20 июня 1927 года рождения, село Вересы Житомирской области, 8 километров от города.

Вопрос: Вы были во время оккупации на территории оккупированной?

Ответ: Да.

Вопрос: Мы будем говорить о том, что Вы видели во время оккупации. Массовые преследования евреев, какие-то одиночные случаи. Только те факты, которые Вы видели сами. Прежде всего, где Вы находились, когда началась война?

Ответ: Начальный период войны, 22 июня 1941 года, я находился в семье отца Иосифа в селе Вересы Житомирской области. Как только началась война, в первых числах июля уже у нас появились немцы. А сразу же начались репрессии, погоня и уничтожение еврейского населения. Идет фронт, валяются трупы солдат с обеих сторон, льется кровь рекой. И в это же время фашисты в Житомире устроили массовый террор по уничтожению еврейского населения. Это была ихняя программа. Это была вторая война: первая война - на фронтах, вторая война была в тылу на оккупированных территориях по уничтожению еврейского населения, в том числе и на Житомирщине. Это был страшный ад, когда без суда, без следствия славливали людей, может, по каким-то сведениям, и сразу тут же на местах расстреливали. Поэтому еврейское население города, которое осталось (кто не эвакуировались или на фронт не ушли) – это, в основном, женщины, дети, старики – они бежали, кто куда мог, для того, чтобы спастись. Бежали по селам, бежали к знакомым, и, в том числе, к моему отцу Иосифу. Мы жили в Вересах, это 8 километров от Житомира. Это село окружено со всех сторон лесами. Поэтому дорогами они не могли идти, а только лесом добирались до нас, для того, чтоб спастись. Отец сразу узнал, что надо оказывать помощь, и принял решение. Привлек и меня, и я с удовольствием эту работу выполнял. Моя задача была встречать беженцев–евреев Житомира, потому что усадьба отца выходила так на окраину, в поле и лес, и затем размещать их в укрытии усадьбы отца. Затем ночью заключалась моя задача разводить, потому что мы могли принять только 12-15 человек, а беженцев из Житомира было очень много. Причем, одни приходили просто случайно, другие приходили по слухам, а третьи, видимо, по разным сведениям знали о том, что в Вересах есть такой Иосиф, который принимает и укрывает евреев. И, несмотря на угрозу, отец это делал сознательно. Но так как одного нашего укрытия было мало, то оборудовали еще одно укрытие. Это землянка перекрытая. У своего тестя Шимона...у него был тесть, отец был женат второй раз, мать умерла моя в 1934 году. Поэтому второе укрытие было у Шимона, это на следующей улице. А третье было у сестры отца Ксении. Таким образом, у нас было три укрытия. Вот в этих трех укрытиях постоянно находились 27-30 человек беженцев из Житомира. Одни приходили и задерживались у нас, другие приходили, побыли 2-3 дня и просили помощи идти дальше, потому что мы тоже составляли определенную опасность, так как рядом Житомир был, и могли быть и полицаи, и другие налеты. И часть из них уходили, другие приходили. И так постоянно к нам приходили и уходили. Потом некоторые уходили и опять возвращались, в частности, был такой Фридман. А всего, со слов отца и была потом газета «Еврейские вести Украины», она тоже там опубликовала, что через наши эти три укрытия прошло 312 человек. В основном это были, как я уже сказал, женщины, дети, старики, в том числе около 60 детей. И из числа спасаемых нами молодежь, которая способна была держать оружие в руках, часто обращались к нам, для того чтобы предоставили им возможность мстить за гибель своих родственников, близких, своей нации и быть защитником Отечества.

Категория людей, которая просились у нас: «Отправьте нас к партизанам!», мы их выводили к партизанам. На Житомирщине в то время была партизанская рота под командованием капитана Берисельмана. Это капитан, еврей по национальности, бежал с плена (он попал в плен под

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor vetted for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Житомиром), и создал на окраине Житомира в лесах партизанскую еврейскую роту. Она входила в состав отряда Сабурова – это объединение, которое знает вся история. И, кстати, Гиндельман тоже должен войти в историю, потому что его знали все как героя еврейского народа и организовавшего сбор евреев для создания роты партизан – евреев. Мы в эту роту послали 120 человек. И они там воевали.

Вопрос: Как Вы определяли, что те люди, которых прятал Ваш отец, евреи?

Ответ: Они себя называли. Дело в том, что кроме евреев, других беженцев не было из Житомира. И так как с приходом фашистов на Житомирщине был массовый террор именно евреев, то мы знали, что это евреи. Они приходили и были такие, кто спрашивал: «А где Иосиф живет?»

Вопрос: Как они выглядели?

Ответ: Это были люди большого страха, на скорую руку собранные, кто что успел на себя натянуть, с детьми. Это были люди без всяких запасов, голодные, в таком растроганном чувстве, состоянии. По сути, они бежали от смерти. Поэтому их было видно, что они в страхе.

Вопрос: Вы видели этих людей раньше, до того, как они приходили в Вересы?

Ответ: Может, отец видел их, потому что часто спрашивали Иосифа.

Вопрос: А Вы видели?

Ответ: А я до этого никого не видел. Мне было 14 лет, я был подросток. Может, кого-то и видел, но не придавал значения в то время. А когда они приходили, просили убежища, то моя роль была вести их в убежище, а ночью отправить их в другие убежища, потому что здесь придут другие завтра.

Вопрос: То есть, у вас был как бы пересыльный пункт?

Ответ: Да. Часть были, которые с детками, в частности, была женщина Фаина Шунда, у нее было трое маленьких детей, и она была в домике у нас, в квартире. Отец свою семью выселил на другую улицу к своему тестю.

Вопрос: Это еврей-беженцы. А когда началась оккупация, в селе были местные евреи?

Ответ: У Вересах была целая улица, так и называлась - Хроймовый куток. Эти евреи быстро эвакуировались. Ушли в другие места, потому что на них мог бы быть тоже погром.

Вопрос: Я правильно понимаю, что к моменту прихода оккупантов в Вересах были только евреи – беженцы?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы наблюдали какие-то взаимоотношения между оккупантами и евреями-беженцами?

Ответ: Я Вам так скажу. Если бы я был близко и видел какие-то отношения, то меня бы не было сегодня здесь. Дело в том, что немцы не позволяли, чтобы были свидетели ихних преступлений. Они уничтожали, не спрашивая. Если попал в зону ихней репрессии с евреями, то они тут же уничтожали всех.

Вопрос: Вы видели какой-то факт уничтожения?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been edited for spelling or punctuation, and it may contain some errors. The interview was conducted on 11/11/2011 in the presence of the interviewer and the interviewee. The interviewee is the subject of the interview.

Ответ: Мы слышали, что немцы поглотили соседку Шунду. Она была с двумя детьми, и они пригнали соседа Федю. Он был рыжий, немцы всех рыжих подозревали, что это были евреи. Они

затащили его на двор и спрашивают отца: «Это юда?» Он говорит: «Нет, это Федя». – «Ах, ты юду спасаешь!» И начали отца... ударили и поставили сразу к стенке к расстрелу. Я в это время бросился к отцу, потому что я понимаю, что это ... Они меня прикладом ударили и тоже поставили к стенке. Таким образом, мы были приговорены к расстрелу. Видя эту ситуацию, спасаемая нами Фаина Шунда с тремя детьми, которая находилась в домике, она понимала, что они рвутся в дом, и она понимала, что будет расстреляна она и все те, кто был в землянке, еще были люди на чердаке, были люди в сарае. Это будет погибель всем! А она оказалась преподаватель немецкого языка. Видя катастрофу, что расстреляют нас и расстреляют их, она выступила на крыльцо с ребенком на руках трех месяцев и на немецком языке строго объявила: «Здесь хозяйка я, это мои люди, освободите подворье! Иначе я срочно сообщу вашему руководству!» Они восприняли ее как немку, как офицерскую семью, опустили оружие и ушли. Так мы были случайно спасены нашей спасаемой. Мы спасали ее, а она спасла нас. Эта Фаина Шунда очень долго жила там, аж до 90-х годов, в 1991 году по старости умерла. Ее дочь Надежда была свидетельницей, когда вставал вопрос о присвоении мне звания Праведника Мира, то она была свидетельницей. Я представлял документы, она предоставляла нужные данные. В 2003 году она скоростижно скончалась от сердечного приступа.

Вопрос: Кто были люди, которые пытались Вас расстрелять?

Ответ: Это были немецкие солдаты.

Вопрос: Полицаев не было?

Ответ: Нет, это ж видно, что воин в одежде военной.

Вопрос: Как Вы это определяли?

Вопрос: Одежду мы все видели, потому что это не первый был случай, мы ж видели оккупантов. У них одежда была специально пошита. А полицаи могли быть в своей форме. Полицаи еще ходили с повязками белыми обязательно, это их обозначения. Полицаи нас не беспокоили. Полицаи знали... ну, может быть, не все. Был там один Иван, и он даже отцу подсказывал, когда нужно было укрыться, когда нужно было притихнуть. И этот Иван в декабре пришел к отцу (полицай!) и сказал: «Прекращай, ибо ты попал в обзор. Тебя могут арестовать в ближайшее время, расстрелять тебя, семью и всех тобой спасаемых» У отца были запасные варианты. Были в соседнем селе люди, и мы быстро развели людей. После этого отец ушел в партизаны, а меня поместил у тетки моей мамы. Там я жил до 1943 года, а затем ушел на войну сам.

Вопрос: Чем Вы объясняете, что этот полицай Иван так относился к отцу?

Ответ: С моим отцом были отношения хорошие у всех, потому что отец был уважаемый человек. И, кроме того, отец находился в дружбе с председателем колхоза Литвин, который отцу помогал. И продовольствием (людей же надо было кормить), и медикаментами. Председатель колхоза сильно помогал, а Иван боялся, что, если Литвин узнает, то, конечно, этому Ивану несдобровать. Это одно. А второе, я бы не сказал, что с позиции гуманности, а просто из уважения к отцу.

Вопрос: В деревне он один был полицай?

Ответ: Я других не знал.

Вопрос: Может, Вы еще можете вспомнить случаи взаимоотношения евреев с оккупантами?

Ответ: Нам, нашей семье, помогали соседи. Поэтому мы поддержку имеем и от соседей. Поддержка была! Кто-то лекарство давал, кто-то давал продовольствие. Знали соседи, что отец спасает евреев. Что касается последующих, то этот председатель Литвин помогал отцу устраивать людей на

работу. То есть, брали людей на работу как своих жителей, как своих знакомых в колхоз «Новое життя». Люди работали, которые могли выйти. А в целом, отношение между евреями и местным населением... Я не видел никакой конфронтации, все жили дружно, встречались (те, кто мог свободно ходить). Поэтому местное население к этому относилось очень хорошо.

Вопрос: Вы хотите сказать, что эти скрывавшиеся выходили на улицу?

Ответ: Периодически. Не все. Это не в первый период, нет, это уже в последующем, где-то к концу года, к декабрю. Небольшая часть людей была устроена в колхозе на работу, для того, чтобы в какой-то степени их в селе реабилитировать, под чужими фамилиями. Это благодаря тому председателю Литвину.

Вопрос: К декабрю какого года?

Ответ: 1941.

Вопрос: Выходит, что этот Литвин и другие люди содействовали?

Ответ: Всячески содействовали отцу. Литвин был сам связан с партизанами. Он организовывал выпечку хлеба для партизан, он вывозил партизанам в леса продовольствие через отца или вместе с отцом. Партизаны приходили к нему. Потому наша улица испокон веков называется Ищенкова – там Ищенки живут – она получила название Партизанской, конечно, это уже после войны. А сейчас она называется Партизанским кутом (углом).

Вопрос: Я не совсем все понял. Я спросил у Вас, почему полицай Иван так благодушно относился к отцу. Вы сказали, что, может быть, он боялся Литвина. Почему он боялся?

Ответ: Литвин все-таки был председатель, глава. У него были все силы и друзья, он мог покорить любого, в том числе и полицая. Ну а потом Литвин тоже ушел в партизаны, еще раньше моего отца.

Вопрос: Что еще Вы можете вспомнить о взаимоотношениях евреев и оккупантов?

Ответ: Между ними не могло быть никаких связей, потому что малейшее подозрение – и евреев сразу расстреливали.

Вопрос: Были такие случаи у Вас?

Ответ: Нет, у нас не было, потому что отец очень строго все конспирировал, очень строго держал это все в руках. Если надо было перевезти ночью из нашего укрытия (потому что могут прийти другие завтра утром), то отец инструктировал, сопровождал и очень строго контролировал. И мы проходили по цепочке понад дорогами и огородами. Он рассказывал, чтоб все держались за руки. Малейший шорох – немцы шороха боялись и шорохи обстреливали, если это ночью – то все должны молча лечь. И только после того, когда уже я ведущий или там одно время мне помогал Фридман (тоже из числа спасенных нами), то тогда мы только могли возобновить движение. В этом отношении все было строго, и мы не могли нигде себя засветить. Попадали мы под обстрел как общий шорох, но, к нашему счастью, не было ранений, не было жертв, потому что были строго проинструктированы. Отец был очень строгий человек, и мы исполняли это все. По-другому не могло быть.

Вопрос: Так продолжалось в течение всей оккупации?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

было всего восемь километров... Но вскоре он вернулся, потому что у нас как-то сложилось для него более удобное положение. Побыл он какое-то время, нашел для себя новое направление и снова попросил меня вывести на Троковичи для того, чтобы выйти на трассу на Черняхов, областной центр. Я его повел. Но Иван этот меня все-таки преследовал. И он хотел меня в какой-то степени наказать. Но я этого не знал, это уже потом выяснилось. Когда я пошел провожать Фридмана (у них было 4 человека семья), вывезти его на Троковичи. И только Фридман от меня ушел...у меня лошадка была, я должен был на нее сесть и 4 километра обратно ехать домой. И этот Иван почему-то оказался там, схватил меня и сильно начал бить. Может быть, даже и больше было бы, но Фридман вернулся и тоже устроил там скандал. И Иван быстро ушел, потому что он – полицей и имел такие возможности. И Фридман меня уже довел домой, рассказал отцу. Отец потом на Ивана на этого... я не знаю ихнего разговора, но в любом случае, подобных явлений больше не было. Но в 1946 году, я будучи уже воином, я пришел домой в отпуск, нашел этого Ивана. И я его сам сдал в милицию, и он умер где-то в тюрьме года через три. Недавно его сын мне предъявил претензию, что это моя подача была.

Вопрос: Видели ли Вы конкретные казни и расстрелы евреев во время оккупации?

Ответ: Непосредственно присутствовать я не мог, меня бы уже не было в живых. А уже после в лесах и в центре мы видели повешенных людей, но уже после того, как фронт прошел.

Вопрос: Вы имеете в виду фронт немецкого наступления?

Ответ: Да.

Вопрос: Кто были эти повешенные люди?

Ответ: Это были и евреи, и партийные работники, и государственные работники. Но мы к ним отношения не имели. Наша главная задача была самим не засвечиваться, и главная задача – спрятать, оказать помощь тем беженцам, которые бежали с Житомира.

Вопрос: Вы видели повешенных и считаете, что они были евреями. Почему Вы так считаете?

Ответ: Я знал учителя нашего со школы.

Вопрос: То есть там были конкретные, знакомые Вам люди?

Ответ: Да. И учитель наш. Была Роза Петровна, тоже учительница, мы видели ее. Мы видели их, когда они висели, уже были смертными.

Вопрос: Это было не в самой деревне?

Ответ: Это было прямо во дворе школы!

Вопрос: В самой деревне?

Ответ: Да.

Вопрос: А еще что-то Вы видели?

Ответ: Нет, потому что мы не должны были ходить. И мы не ходили. Мы сами себя сдерживали, чтоб не засвечиваться лишний раз. А потом у нас была работа: днем встречать, а ночью разводить по укрытиям, спасать людей. То уже нам было просто не до этого.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: Что было, когда закончилась оккупация? В каком году это было?

Ответ: В декабре месяце, когда нас предупредили и партизаны, и полицией о том, что мы попали в обзор и можем быть расстрелянными со всеми, то мы с отцом развели всех, и на этом где-то в декабре было закончено.

Вопрос: В каком декабре?

Ответ: В декабре 1941 года. Закончилась наша эпопея спасения. Где-то 312 человек. Отец уходит в партизаны. Я ушел к маминой сестре, а затем в начале 1944 года я ушел на фронт. Как только освободили нашу территорию - это был октябрь 1943 года- я был сразу же призван, несмотря на то, что было мне 17 лет. Война-то требовала. Это был последний призыв.

Вопрос: Вы были на фронте?

Ответ: Да. Мы двигались в наступление. Затем я получил под Винницей контузию и ранение уже в бою. Под Черниговом лечился в госпитале. Затем уже шофером я снова ушел на войну и попал под Варшаву. И в Варшаве 12 января был раненый. А 2 мая участвовал в штурме Берлина и дальше шел.

Вопрос: Когда Вы двигались с войсками по оккупированной территории, видели Вы какие-то следы казней?

Ответ: Этого не видно было по одной причине, что был очень большой фронт. Когда перешли границу Польши, там уже было не до этого, потому что я уже был шофером и возил начальника штаба полка. И мы были строго проинструктированы, чтобы сами не попали в плен. Поэтому двигались мы, в основном, по ночам бои были. Наш был автомобильный полк. 2 мая в 6 часов утра у меня закончилась карточка-трофей. Начальник штаба был подполковник. Он отдыхал, я его разбудил и говорю: «У меня закончилась карточка-трофей. Какое-то селение тут, я не знаю, что это. Мы можем попасть в плен». А он тогда на станции вышел. Он имел право выхода, а я имел право только на приеме. И он тогда говорит: «Эх, ты! Это уже окраина Берлина!»

Вопрос: Но Вы когда двигались по оккупированной территории, ведь были же остановки? Я имею в виду даже не немецкую территорию, а Советскую. Видели ли Вы следы убийств?

Ответ: Трупов было много – это война!

Вопрос: Трупы солдатские или еврейские?

Ответ: Мы не всматривались, что за трупы. Были и наших войск, потому что фронт идет. Мы идем во втором-третьем эшелоне. Первые части прошли боевые, а мы идем, везем туда боеприпасы, продовольствие, оттуда везем раненых.

Вопрос: Но Вы где-то останавливались?

Ответ: Мы просто не обращали внимания. Трупов было очень много! А потом, мы ведь выполняли боевую задачу.

Вопрос: В общем, Вам не приходилось ничего такого наблюдать?

Ответ: Тогда да. А уже после того, когда я уже был взрослым человеком, мы вышли с Румынии в Конотоп...

Вопрос: Когда это было?

Ответ: Это был 1958 год. И когда я прошел по городу, увидел какие-то большие насыпи, как могилы больше. Я спросил, что там, а мне сказали, что это евреи расстреляны. Я расспросил, как это было.

Мне сказали, что их стреляли и прямо в котлован бросали, землей засыпали и так они оставались. Я послал солдат, офицеров. Мы привели в порядок, почистили, посадили деревья. Меня предупредил начальник политотдела: «А ты знаешь, что это?» - «Знаю». А потом, когда все затихло, он меня даже поблагодарил. Он оказался еврей сам. А три года назад я был там. Такие красивые аллеи растут, которые мы посадили. И никто не знает, кто посадил. А это мы посадили. А сейчас я, находясь в Харькове, это был 2000 год, снова меня судьба свела с оказанием помощи, с увековечиванием памяти жертвам Холокоста в Дробицком Яру. Когда я узнал, что там до того времени не ухожены захоронения и около 30 тысяч расстрелянных людей, то мы создали группу инициативную. Там были и евреи, в данном случае сейчас живой еще Альперин Эмиль Григорьевич, это бывший узник Бухенвальда. Мы создали инициативную группу, изучили положение в Дробицком Яру и приступили к строительству. До нас начинали строительство, хотели построить, но по разным причинам не построили. А мы этот вопрос взяли в свои руки и 5 сентября приступили к строительству. Сейчас уже создали мемориал, заканчиваем строительство.

Вопрос: Спасибо, это великое дело. Огромное спасибо за то, что Вы нам рассказали.

Ответ: Я считаю, что на жертвах Холокоста должны учиться все поколения, чтобы подобные трагедии не повторялись. Мы должны максимум сделать, чтобы на этих всех трагедиях - жертвами Холокоста стали 6 миллионов евреев - это наши соотечественники, мы редко называем евреями, мы такие же, как и все. А евреи в Дробицком Яру... в декабре 1941 и 1942 году были расстреляны все евреи города Харькова лишь потому, что они были евреи. Это еще больше нас обязывает приложить максимум усилий для того, чтобы жертвы Холокоста в годы Второй Мировой войны были достоянием всех поколений, дабы подобные трагедии не повторялись, дабы на планете всегда был мир и только добро.